

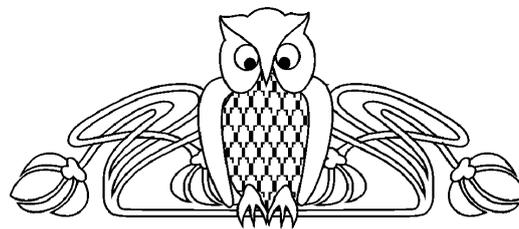

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 47–54
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 47–54
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-1-47-54>, EDN: KJDNKH

Научная статья
УДК 321.61(44)|13/14|:133.4+929

Колдуны и некроманты на защите французской монархии

О. И. Нуждин

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, Россия, 620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, д. 4

Нуждин Олег Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения, o.i.nuzhdin@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2127-4214>, AuthorID: 696101

Аннотация. Статья посвящена изучению феномена участия колдунов в политической жизни Франции конца XIV – начала XV в. Непосредственным поводом к этому послужила болезнь короля, вылечить которую медики не смогли. Тогда герцог Бургундии Филипп Храбрый решил привлечь колдунов, чтобы те, используя свои связи с демонами и дьяволами, вернули Карлу VI здоровье. Так сложилась парадоксальная ситуация, когда наихристианнейшего монарха Европы стали лечить с помощью нечистой силы. Попытки герцога Людовика Орлеанского противостоять этому в конечном счете стоили ему жизни.

Ключевые слова: колдовство, черная магия, некромантия, король Франции Карл VI, герцог Бургундии Филипп Храбрый, герцог Людовик Орлеанский, Валентина Миланская, Парижский университет

Для цитирования: Нуждин О. И. Колдуны и некроманты на защите французской монархии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 47–54. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-1-47-54>, EDN: KJDNKH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Sorcerers and necromancers in defense of the French monarchy

O. I. Nuzhdin

Ural Federal University, 4 Turgeneva St., Ekaterinburg 620083, Russia

Oleg I. Nuzhdin, o.i.nuzhdin@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2127-4214>, AuthorID: 696101

Abstract. This article is devoted to the study of the phenomenon of the participation of sorcerers in the political life of France in the late 14th – early 15th centuries. The immediate reason for this was the king's illness, which doctors could not cure. Then the Duke of Burgundy Philip the Brave decided to attract sorcerers so that they, using their connections with demons and devils, would return Charles VI to health. Thus a paradoxical situation arose when the most Christian monarch of Europe began to be treated with the help of evil spirits. The attempts of Duke Louis of Orleans to resist this ultimately cost him his life.

Keywords: Witchcraft, black magic, necromancy, King Charles VI of France, Duke of Burgundy Philip the Brave, Duke Louis of Orleans, Valentine of Milan, University of Paris

For citation: Nuzhdin O. I. Sorcerers and necromancers in defense of the French monarchy. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 47–54 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-1-47-54>, EDN: KJDNKH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Конец XIV в. стал переломным моментом для французской монархии и ее фундаментальных правил. Впервые в истории этого государства его главой стал душевнобольной человек. К такому повороту дел оказались не готовы ни теория, ни практика, и на протяжении всего времени правления Карла VI велись непрерывные поиски выхода из сложившейся ситуации. Дело в том, что психически больной человек не мог занимать престол Франции – место

«наихристианнейшего» монарха. Недуг короля воспринимался как попытка «уничтожить и обесчестить королевство Франция» [1, р. 161].

Начальным и вполне очевидным способом преодоления кризиса стали попытки вылечить короля, для чего приглашали как медиков, так и колдунов и некромантов. В Королевском совете сосуществовали два мнения, сменявшие друг друга. Верх брали то сторонники излечения с помощью Божественной благодати (par

la grâce divine), то те, кто считал возможным прибегать к помощи магии [2, р. 543]. И если участие врачей и священников в лечении видится вполне оправданным, то привлечение колдунов, людей, якобы способных контактировать с темными сверхъестественными силами, представляется по меньшей мере делом необычным. Кроме того, следует отметить, что такая ситуация предоставила возможность колдунам и некромантам стать частью политической жизни Французского королевства.

Западное христианство эпохи Средневековья негативно относилось к любым проявлениям магии, и даже хранение колдовских книг считалось наказуемым деянием. Как магические практики в позднее Средневековье воспринимались не только отношения с демонами, но также изготовление амулетов, ядов и зелий, поклонение идолам, заклинания, предназначенные влиять на погоду, любовь и исцеление. Слово «maleficium», как и термин «sorcerius», служили синонимами друг другу и слову магия, но квалифицировались как преступление [3, S. 34, 35, 39, 41]. Внезапные заболевания, скоростную смерть или смерть после продолжительной болезни в молодом возрасте зачастую приписывали не столько естественным причинам, сколько воздействию ядов. Политический аспект подозревался в тех случаях, когда речь шла о высокопоставленных особах или участниках борьбы за власть [3, S. 94]. Все это способствовало вовлечению колдунов в политические дела, но род их занятий в представлениях людей конца XIV – первой половины XV в. ассоциировался с нечистой силой и дьяволом [4, р. 116].

Не стало исключением из этого правила и Французское королевство. В силу существовавших представлений о возможности магического воздействия на короля, а также в связи с особенностями заболевания Карла VI стали быстро распространяться слухи, что он был «околдован или отравлен» [1, р. 162]. Если с отравлением медики могли справиться, то с колдовством – нет. Ситуация осложнялась тем обстоятельством, что природу заболевания никак не могли определить. Было известно, что незадолго до происшествия в Манском лесу у Карла VI уже наблюдались симптомы какой-то болезни. Так, во время переговоров с Англией в г. Амьене в 1392 г. король почувствовал недомогание: его охватила «горячая болезнь». Но она не имела, как тогда казалось, серьезных последствий для здоровья.

Но приступ, охвативший Карла VI в Манском лесу 5 августа 1392 г., и связанные с этим попытки убийства окружавших его людей, включая собственного брата Людовика, вызвал обоснованные опасения у его родных и придворных. «Некоторые люди согласились с мнением врачей и утверждали, что рассудок короля был потревожен изливанием черной и горячей желчи в сочетании с гневом, который он испытывал

из-за того, что его воины не прибыли достаточно быстро. Другие говорили, что это чума, посланная Богом, который наказывает тех, кого любит. Однако большинство сеньоров и простых людей утверждали, что король был околдован. Использование колдовства было в то время слишком распространено среди людей всех полов и всех рангов», – таково мнение хрониста и современника многих событий того времени Мишеля Пинтуэна [2, р. 25].

Теперь в интересах монархии требовалось не только определить причину заболевания, но и выяснить, излечимо ли оно. Приглашенные медики заявили, что болезнь уже давно мучила короля, и то, что произошло с ним, было неизбежно в силу естественных процессов. Они считали, что следует отказаться от «вульгарного мнения о заклинаниях, распространяемое глупцами, некромантами и суеверными людьми, [поскольку] врачи и богословы сходятся во мнении, что злые чары не имеют силы, и что болезнь короля проистекает от эксцессов его юности» [2, р. 405]. Проведенное расследование показало, что отравление через вино можно исключить. Дальнейшее обсуждение причин заболевания прервал герцог Жан Беррийский словами: «Мы спорим и стараемся понапрасну, король не был ни отравлен, ни околдован ничем, кроме как дурным советом» [1, р. 162].

Заявление Жана Беррийского выглядит легкомысленным, поскольку основания для беспокойства у принцев имелись. Известно по крайней мере об одном документально зафиксированном случае, позволяющем подозревать возможность отравления короля. Речь идет о событиях июля 1390 г., которые нашли отражение на страницах «Криминального регистра Шатле». Так, 22 июля к прево Парижа Гийому Порелю и его лейтенанту Гийому Друару обратился магистр искусств по имени Пьер дю Мулен, проживавший в квартале дез Эколь. Его внимание привлек отшельник (hermite), просивший подаяние. В ходе завязавшейся беседы тот вдруг признался, что он и еще двое таких же отшельников прибыли в Париж с намерением отравить короля и его брата герцога Туреньского [5, р. 311]. Их нанимателем был некий рыцарь, уже находившийся в заключении в Лувре.

Прево отправил одного сержанта для проведения ареста, и в тот же день отшельник был доставлен в аббатство Сен-Жермен-де-Пре, где в то время находилась резиденция прево Парижа. Во время допроса задержанный признался, что его зовут Жан ле Поршье, и он взял себе одеяние отшельника, чтобы было удобнее просить милостыню. При нем находилась шкатулка с травами, которые подвергли экспертизе. Знаток трав (herbier) Ришар де Буль нашел там шесть листьев: один *jacia nigra*, другой – подорожника круглого (*plantago minor*) и четыре листа осота, именуемого *rosti poterungi*. Из них всех только *jacia nigra*

можно считать ядовитым, а остальные такими свойствами не обладают.

Отшельник, во время первых допросов отрицавший свои преступные намерения, под пыткой был вынужден их признать и, кроме того, рассказал о многих иных своих преступлениях – кражах и убийствах. Этого оказалось достаточно для вынесения смертного приговора, и, хотя четверо следователей Шатле просили предоставить им время для проведения более тщательного расследования, им в этом отказали, и уже 26 июля 1390 г. Жан ле Порсье был казнен через повешение [5, р. 310–322]. Э. Колла обратил внимание, что из приговора исключили обвинения в подготовке покушения на короля и его брата, которые можно было считать наиболее отягчающими, но сохранили все остальные. Почему прево счел необходимым так поступить, осталось неизвестным, это «одна из многочисленных загадок истории, разгадки которой мы, несомненно, никогда не узнаем» [6, р. 103].

После того, как медики продемонстрировали свое бессилие в борьбе с болезнью Карла VI, люди курии (*les gens de la cour*) приняли решение призвать колдуна [2, р. 89]. Занятие магией в конце XIV – начале XV в. было делом обыденным, и к практикам подобного рода прибегали как простолюдины, так и принцы крови, как светские люди, так и священнослужители. Колдовство существовало как особый вид деятельности, и человек, ею занимавшийся, должен был выглядеть соответствующим образом и вести образ жизни «в интересах своей профессии» (*dans l'intérêt de sa profession*) [2, р. 91].

Вероятно, члены Королевского совета, убедившись, что обычное лечение не приносит результата, решили, что имеют дело с порчей, с которой медики не в силах справиться. В 1393 г. от их имени Людовик де Сансер пригласил колдуна (*un sorcier*) из Гиени по имени Арно Гийом, который в своей местности пользовался большим уважением. Тот открыто утверждал, что владеет искусством магии и может одним словом избавить короля от его недуга. Колдун был человеком малообразованным, одевался бедно, вел уединенный образ жизни и истязал свое тело постом, «подобно Отцам Церкви» (*comme les Pères de l'Église*). При себе он держал некую книгу, называвшуюся «Смагорад» (*Smagorad*), которая, по его словам, давала ему абсолютную власть над четырьмя элементами (*pouvoir absolu sur les quatre éléments*) и знание всех планет, в том числе неизвестных астрологам. Арно Гийом утверждал публично перед Изабеллой Баварской и другими придворными, что Карл VI околдован, и теперь виновники предпринимают усилия, чтобы помешать его выздоровлению [2, р. 89, 91].

По мнению Й. Веенестра, название «Смагорад» соотносится с иными магическими книгами, известными в Средневековье, такими как «Liber

Sacer», «Liber Sacratu», «Liber Juratus». Считалось, что «Liber Sacer» была пожалована ангелом Соломону, что позволяет предположить восхождение их корнями к древней христианской и еврейской магии [7, р. 71]. Чем закончилось лечение короля с помощью магии «Смагорада», Мишель Пинтуэн не сообщил, но дальнейший ход событий дает все основания утверждать, что Арно Гийома также постигла неудача.

Во второй половине 90-х гг. к исцелению Карла VI попытались привлечь священнослужителей, практиковавших магию. Так, в 1397 г. в Париж приехали два монаха-августинца – Пьер Тосан и Ланселот Мартен, – с намерением вернуть королю здоровье. В столице они «в присутствии ученых людей осмелились утверждать, что по особой милости небес они наделены знаниями и могут повелевать демонами и стихиями» (*pouvaient commander aux démons et aux éléments*), и способны исцелять любые болезни [2, р. 663]. Им дали деньги и предоставили помещение в королевском отеле Сен-Поль, чтобы они могли беспрепятственно заниматься своим делом. Вскоре августинцы вынесли свой вердикт: недуг Карла VI происходил не по естественным причинам, а вследствие внешнего влияния. Благодаря «магии и посредством дьявола, который является врагом истины» они смогли установить, что вина лежит на брате короля герцоге Людовике [2, р. 663, 665]. Таким образом, в лечение короля стала вмешиваться политика, и подозрение пало на брата Карла VI, который в случае смерти короля и дофина становился законным претендентом на престол.

Проступки и слова монахов-августинцев сочли оскорбительными для королевского величества, их арестовали и заключили в тюрьму. Суд над ними вершили ученые, правоведы и теологи, которые заключили, что монахи-августинцы являются «идолопоклонниками, вызывателями демонов, вероотступниками и чародеями» (*qu'ils étaient idolâtres, invocateurs de démons, apostats et sorciers*). С благословения епископа Парижского их лишили духовного сана, отлучили от Церкви и передали в руки светского правосудия. Палач отрубил им головы, и их тела были повешены на виселице в Монфоконе 31 октября 1398 г. [2, р. 665].

Тем самым суд признал, что здоровье наихристианнейшего короля Карла VI было передано из рук Божьих в руки его злейшего врага. По мнению Мишеля Пинтуэна, это не что иное, как оскорбление королевского величества (*outrageaient ainsi la majesté royale*) [2, р. 665, 667, 669]. Поэтому казнь монахов «послужила примером предателям и злодеям» (*servirent d'exemple aux traîtres et aux malfaiteurs*) [2, р. 669]. Представляется, что в данном случае тяжесть обвинения и казнь стали следствием не столько общего отношения Церкви к занятиям магией, сколько

результатом неудачи августинцев в исцелении короля и нарушения данного ими обещания.

Однако слова монахов-августинцев зародили сомнения среди членов Королевского совета и родственников Карла VI. Подозрения пали в первую очередь на брата короля Людовика, поскольку было хорошо известно, что он интересовался магией. Одним из доверенных людей герцога был Пьер де Краон, который навлек на себя немилость тем, что позволил себе неоднократно упрекать своего сеньора в том, что тот позволял себе слишком легко поддаваться своим страстям и слишком благосклонно относился к колдунам, творившим заклинания над костями мертвецов. За это брат короля изгнал Пьера де Краона [2, р. 3].

Тот факт, что для колдовства часто использовали тела умерших, был хорошо известен современникам, но остановить эту практику никак не удавалось. Дело зашло настолько далеко, что в феврале 1408 г. прево Парижа был вынужден обратиться к Парламенту. Он указал, что неизвестные лица регулярно крали с виселиц, установленных в окрестностях столицы, тела повешенных, в чем есть все основания подозревать «преступников и колдунов» (*gens crimineux et sorciers*). Парламент дал ему разрешение арестовывать любых людей, замеченных в этом деле, невзирая на возможные протесты со стороны церковного правосудия относительно юрисдикции [8, р. 221]. Видимо, существовало подозрение, что в похищении трупов участвовали священнослужители или студенты университета.

Осенью 1398 г. факультет теологии Парижского университета выступил обвинителем по делу Жана де Бара, еще одного мага (*magicien*) и некроманта (*nigromanticus*), человека, вызывавшего демонов. Жан де Бар, именовавший себя мэтром, признал, что на протяжении многих лет занимался «темными искусствами, запрещенными Богом и Церковью» (*par arts mauvais et defendus de Dieu et de l'Eglise*), и «вызывал дьяволов» (*fait invocacion de dyables*) с целью приобрести для себя влияние и богатство [9, р. 154]. Он неоднократно совершал жертвоприношения непосредственного Врагу (*plusieurs foys sacrifice a l'Ennemi*) и рассчитывал с его помощью подчинить дьяволов своей власти и одного из них заключить в хрустальном кольце, сделав личным слугой. Также Жан де Бар признался, что намеревался установить причину болезни короля и дофина, для чего постарался подчинить себе герцога Бургундии так, чтобы тот «не имел бы власти отказать [ему] в чем-либо, и чтобы, прежде всего, [герцог] верил, любил и повиновался» [9, р. 155, 156].

Несмотря на признания и раскаяние некроманта университет обвинил его в том, что он по просьбе герцога Филиппа Храброго взялся за исцеление Карла VI, но ничего не смог сделать. При этом Жан де Бар пытался обрести «близость,

дружбу и [получить] помощь от демонов посредством магических искусств, злодеяний и святотатственных заклинаний, что [якобы] нельзя считать идолопоклонством» (*le biais des arts magiques, des maléfices et des invocations sacrilèges n'est pas de l'idolâtrie*). Но это, по мнению Церкви, является опасным заблуждением, поскольку «демон есть упрямый и непримиримый враг Бога и человека» (*le démon est l'adversaire obstiné et implacable de Dieu et de l'homme*) [9, р. 152–153].

Рассмотрение дела закончилось 19 сентября вынесением обвинительного приговора и последовавшей за ним казнью [9, р. 121]. В данном случае вновь пересеклись интересы Людовика Орлеанского и Филиппа Храброго. Брат короля был категорически против привлечения «некроманта» (*nigromancienet*) и «заклинателя дьявола» (*invocateur de diables*) для такой деликатной миссии, как забота о здоровье Карла VI [10, р. 405], но герцог Бургундии настоял на своем. Разница в подходах к лечению короля Франции стала еще одним поводом для ненависти между герцогами.

В октябре 1402 г. Карл VI вновь заболел, и уже в который раз медики оказались бессильны, а инициативу по исцелению опять взял на себя герцог Бургундии Филипп Храбрый. Два колдуна – Понсе дю Солье и Жан Фландрен – обосновались в Санвине, близ Нолле, чтобы совершить «некие тайные действия, которые упомянутый Понсе обязался совершить и осуществить для блага и здоровья короля, нашего сеньора, с воли и согласия моего упомянутого сеньора [герцога]» [11, р. 97]. Начиная с 1 декабря 1402 г. на их содержание из казны Филиппа Храброго выделялись по 80 ливров, что в итоге составило 288 франков. Для совершения ритуала потребовалось расчистить круг на поляне у города Дижона, огороженный столбами высотой в человеческий рост, украшенными привезенными из Парижа алой, золотой, лазурной и белой тканью. Столбы соединялись между собой железными цепями.

Понсе дю Солье хотел пригласить на завершающую стадию ритуала из Ломбардии некоего мэтра Бонифация и других мэтров, сведущих в этом деле, но они, по-видимому, не приехали, поскольку об их участии не содержится сведений ни в одном источнике. Тогда на замену им позвали двенадцать шевалье, оруженосцев, советников и буржуа герцогства и города Дижона. Согласились участвовать только одиннадцать, и в качестве последнего участвовал прево Дижона Антуан Шуффен, предварительно предупредив, что он не верит в колдовство и, если ничего не получится, он арестует и казнит колдунов.

Когда все было готово, самый могущественный из колдунов стал произносить заклинания [12, р. 115, 117]. Ритуалы совершались с начала мая 1403 г. и продолжались до 30 июня, обойдясь казне герцога Бургундии в дополнительные

112 франков [11, р. 98]. Никакого положительного результата достичь не удалось: король не выздоровел, и причина его заболевания осталась неустановленной. Тогда прево Дижона, как и обещал, арестовал Понсе дю Солье, но Жан Фландрен успел сбежать. Советник герцога Бургундии Жан Мерсье разыскивал его более трех месяцев, пока не обнаружил в тюрьме города Авиньона. Оттуда его вывезли в Дижон, где отдали под суд. Оба колдуна были приговорены к смертной казни – публичному сожжению [12, р. 115, 117]. В целом же попытка исцеления Карла VI обошлась казне герцога Филиппа Храброго в 2235 франков [11, р. 99].

Под этим же годом – 1403 г. – Жан Жувеналь дез Урсен рассказал о подобного же рода попытке излечить Карла VI с помощью колдунов. Священник (*prestre*) Ив Жилем, дамуазель Мари де Бланси, слесарь (*serrurier*) Перрен Эмери и клирик (*clerc*) Гийом Флоре хвалились тем, что заклинаниями могли вызывать дьяволов (*faisoient certaines invocations de diables*), а Ив Жиллем даже заявлял, что подчинил трех из них, и с их помощью он пообещал исцелить короля. Хронист не сообщил, кто именно обратился к ним за помощью, но в их распоряжение выделили все необходимое для проведения ритуала, а именно железные цепи и двенадцать добровольцев. Но ничего не получилось, поскольку или один из двенадцати, или все они осенили себя крестным знаменем. Когда всем стало ясно, что король остался больным, всех четверых колдунов объявили обманщиками и передали на суд прево Парижа. Тот вынес им приговор – сожжение на костре. 24 марта 1403 г. приговор привели в исполнение [10, р. 416].

Все рассказы во многом похожи друг на друга, особенно в части описания ритуала, но отличаются в деталях – именах колдунов, их количестве, месте проведения обряда. Можно предположить, что они проводились в два приема – один у Парижа, а другой – у Дижона. Но все сходится в том, что целью проведения ритуалов было исцеление короля, и для этого колдуны использовали нечистую силу – дьяволов.

Одновременно с намерением исцелить Карла VI шли поиски потенциальных виновных в его заболевании. Если оно не было вызвано естественными причинами, следовательно, за отравлением или колдовством стояли заинтересованные силы, желавшие устранения короля. Из них наибольшее внимание привлекала фигура брата Карла VI, который в случае смерти короля и дофина становился следующим претендентом на престол.

Поскольку напрямую обвинить герцога Орлеанского показалось невозможным, обвинения были выдвинуты против его супруги Валентины Миланской, дочери Джан-Галеаццо Висконти [подробнее о формировании негативного образа

Валентины Висконти см.: 13, с. 11–31]. Подозрение вызвал, в частности, тот факт, что во время одного из приступов болезни Карл VI отказался воспринимать Изабеллу Баварскую в качестве своей супруги, утверждая, что никогда не был женат, но благоволил к Валентине и называл ее «своей любимой сестрой». Такое поведение короля его окружение связывало с происхождением Валентины Миланской из Ломбардии, области Италии, где «яды и заклинания применялись более, чем в какой-либо иной стране» [2, р. 89]. К тому же хронологически болезнь Карла VI совпала со временем появления при дворе Валентины Висконти.

Хронист Жан Фруассар отзывался о Валентине Висконти крайне нелицеприятно. По его словам, она была женщиной «завистливой и жадной до наслаждений и состояний этого мира; и с радостью бы увидела, чтобы ее муж, герцог Орлеанский, унаследовал французскую корону, не беспокоясь о том, как именно» [1, р. 243]. Все заболевания Карла VI он приписал ее искусству заклинаний и в качестве подтверждения своих слов привел одно событие. Валентина Висконти якобы предприняла попытку умертвить дофина, когда тот вместе с ее сыном играл в одной из комнат королевского отеля Сен-Поль. Она предложила дофину отравленное яблоко, но тот «по милости Бога» не взял его, плод схватил сын герцога, «откусил и умер» [1, р. 243]. Здесь справедливо только то, что сын Валентины Миланской, Людовик, действительно умер в сентябре 1395 г. от скоротечной болезни.

Похожую историю поведал в своем «Оправдании» Жан Пти, но в ней отравленное яблоко должен был принести дофину некий ребенок во время прогулки дофина в садах отеля Сен-Поль. Но няня сына Людовика Орлеанского, увидев яблоко, отобрала его и передала сыну герцога. Тот откусил от него, заболел и умер [14, р. 239]. В этой истории вина возлагалась уже непосредственно на Людовика Орлеанского, а его супруга не была даже упомянута. Все «Оправдание» Жана Пти построено на попытке доказать стремление брата короля к королевской власти, при этом одним из способов достижения цели стали связи с потусторонними силами и призыв колдунов для этой цели.

Этого оказалось достаточно, чтобы заподозрить жену Людовика Орлеанского в колдовстве, и тогда Людовик Орлеанский, чтобы предотвратить распространение слухов, весной 1396 г. попросил ее перебраться из Парижа в замок Нёф-Шатель-сюр-Луар. Видимо, воззрения того времени допускали предположение, что магия действует на сравнительно небольшом расстоянии, и пребывания Валентины Миланской в долине реки Луары будет достаточно, чтобы обезопасить Карла VI от ее пагубного влияния в Париже.

В дальнейшем, поскольку Карл VI так и не выздоровел полностью, подозревать ста-

ли уже непосредственно его брата Людовика. Ни для кого не было секретом, что брат короля часто прибегал к помощи колдунов для достижения своих целей. Начало этой практики, по-видимому, следует отнести к 1391 г. [3, S. 97] В концентрированном виде, уже в качестве обвинений, они были преподнесены в «Оправдании» доктора теологии Жана Пти. Он, помимо прочего, обвинил Людовика Орлеанского в стремлении убить Карла VI. Брат короля стремился «спровоцировать смерть вышеназванного принца порчей, заклинаниями и суевериями. Второй – ядами, отравками, отравлением» [14, р. 224]. Кроме того, герцог вызывал дьявола (*dyable*) и, чтобы сделать заклинания более эффективными, использовал мертвецов, снятых с виселицы Монфокона [14, р. 225, 226].

Следовательно, окружение Карла VI, в их числе – герцог Бургундии, допускали использование магии для достижения политических целей, причем после процесса Жана де Бара стало известно, что университет и Церковь трактуют такую практику как связь с дьяволом. Однако практика привлечения колдунов в среде знати сохранилась, о чем свидетельствует дело графа Бернара д'Арманьяка. В 1401 г. тот обратился с просьбой провести расследование против своего родственника Жеро, графа де Пардиака. В мае 1400 г. Жеро де Пардиак в замке Пльом вместе с выпускником юридического факультета Гийомом де Кариа проводил некие магические действия над тремя восковыми куклами, купленными в Ломбардии. Их манипуляции должны были привести к смерти Бернара д'Арманьяка и помочь Жеро де Пардиаку завладеть имуществом своего дяди. В случае успеха юристу была обещана сумма в семь тысяч франков, но затея в конечном счете провалилась [6, р. 192–193; 15, р. 416–417].

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что в среде французской знати в конце XIV – начале XV в. сложилась устойчивая практика использования колдунов и некромантов для достижения политических целей. При королевском дворе по отношению к болезни короля и способам его лечения к началу XV в. сформировались две позиции: одну представлял Людовик Орлеанский, вторую – герцог Бургундии Филипп Храбрый. Возможно, брата короля устраивала болезнь Карла VI, которая позволяла при определенных обстоятельствах сконцентрировать власть в своих руках. Напротив, герцог Бургундии старался этому воспрепятствовать, и одним из способов этого стали попытки излечить короля. Так продолжалось до начала XV в., и, хотя после смерти Филиппа Храброго в 1404 г. соперничество двух домов – Орлеанского и Бургундского – сохранилось, попытки привлечения колдунов прекратились, и после 1403 г. в хрониках не содержится никаких сведений по этому поводу.

Тому может быть несколько объяснений. Первое: инициатором приглашений колдунов для короля был именно герцог Бургундии Филипп, и с его смертью эта практика прекратилась. Второе: здоровье Карла VI улучшилось, и он мог, хотя и временно, но управлять королевством самостоятельно. В этом случае известную фразу Мишеля Пинтуэна – «со временем его разум покрылся такой густой тьмой, что он совершенно забыл даже то, о чем природа должна была ему напомнить» [2, р. 87] – следует относить не ко всей жизни Карла VI, а только к начальной, наиболее острой фазе заболевания. Третье объяснение: возможно, что соперничество между Людовиком Орлеанским и наследником Филиппа Храброго Жаном Бесстрашным перешло в иную плоскость. В конечном счете оно завершилось для принца Людовика трагически: его убили на улице Вьей-дю-Тампль вечером 23 ноября 1407 г.

Главным подозреваемым в совершении этого преступления стал герцог Бургундии, и данное мнение во многом базируется на так называемом «признании», сделанном им 25 ноября в присутствии герцогов Жана Беррийского и Людовика Анжуйского. В этой связи особое значение приобретают слова, произнесенные Жаном Бесстрашным в присутствии своих старших родственников, и которые характеризуют характер его участия в преступлении. Выражение «герцог Бургундский ... совершил его чужими руками по наущению дьявола» (*à l'instigation du diable*) [12, р. 741], позволяет предположить, что Жан Бесстрашный вступил в контакт с нечистой силой. На это указывали впоследствии сыновья погибшего Людовика Орлеанского. В своих письмах, направленных в июле 1411 г. и обращенных к королю, университету и горожанам Парижа, они говорили, что герцог Бургундии «совершил убийство по наущению дьявола» (*avait commis le meurtre a l'instigation du diable*) [16, р. 423], «дьявол искусил его» (*le Diable l'avoit tenté et surpris*) [17, р. CCLXXIX], и «он сделал это, искушенный врагом» (*il l'avoit fait par la tentation de l'ennemy*) [10, р. 458].

Если в данном случае речь идет не о метафоре, то следует вывод, что Жан Бесстрашный, выступая защитником Карла VI перед посягательствами на его власть со стороны младшего брата, сам прибегал к помощи дьявола, врага рода человеческого. Тогда, будучи в состоянии сильного волнения, герцог Бургундии невольно проговорился и признал, что так же, как и его политический противник, опирался на помощь колдунов. И в его представлении смерть Людовика Орлеанского стала следствием союза Жана Бесстрашного с нечистой силой, которая исполнила желания герцога Бургундии.

Л. Миро и А. Валле де Виривиль в качестве участников нападения на Людовика Орлеанского называли около полутора десятков

человек, которых возглавил Рауль д'Анкетонвиль [18, р. 453–454; 19, р. 243]. Однако дети покойного брата короля не считали их причастными к преступлению, они разыскивали с целью привлечь к судебной ответственности совсем иных лиц, а именно Шарля де Савуази, Антуана де Краона, сеньора де Хейи, Ренье Пота и других шевалье [20, р. 133; 21, р. 119].

У нас практически нет сведений о том, что Жан Бесстрашный занимался оккультизмом. Но такого рода слухи ходили: в частности, подозревали, что, находясь в плену после поражения крестоносцев под городом Никополем в 1396 г., будущий герцог Бургундии был отпущен султаном по просьбе некроманта Нигромансьена (Nigromancien) [10, р. 399]. В дальнейшем проорлеанистская пропаганда утверждала, что Жан Бесстрашный подписал соответствующий договор с «Люцифером, императором Ахерона, королем Ада, герцогом Эреба и Хаоса, князем Тьмы, маркизом Плутона, графом Геенны и др.» [22, р. 203–205].

Еще одним косвенным подтверждением того, что герцог Бургундии увлекался занятиями магией, можно считать трактат доминиканца Лорана Пиньона «Против прорицателей». Данным термином автор обозначил не только людей, сведущих в гадательных практиках, но также всех магов, колдунов, всякого рода суеверных людей и еретиков, которых объединяет одно свойство – их преданность дьяволу. Данное сочинение служило цели предостеречь герцога Бургундии от контактов с ними, поскольку такое поведение вредит репутации принца. По мнению Ж. Веронезе, беспокойство Лорана Пиньона имеет под собой реальную основу, связанную с интересом Жана Бесстрашного к колдовству [4, р. 114–115, 119–120].

Сложилась ситуация, которая выглядела парадоксальной: чтобы исцелить короля Франции, «наихристианнейшего» из монархов Европы, который благодаря миропомазанию приобрел способность вести к спасению не только себя и членов своей семьи, но и все королевство, его родственникам и советникам пришлось прибегнуть к помощи потусторонних сил. «Демоны», «дьяволы» и сам «враг» должны были сослужить ту службу, на которую оказалась неспособны церковь и медицина. Те колдуны, которые не смогли излечить Карла VI, были подвергнуты наказаниям вплоть до сожжения на костре. Но оно последовало не за то, что они занимались магией, а за то, что не исполнили свое обещание.

Вера в колдунов, как выяснилось, охватывала широкий круг высшей знати, включая принцев королевской крови, в их числе брата короля Людовика Орлеанского и герцога Бургундии Жана Бесстрашного. Тем самым колдуны оказались вовлеченными в политическую борьбу, выступая на стороне той или иной группировки. После

смерти в 1404 г. герцога Филиппа Храброго приглашать колдунов перестали, и на этом завершился определенный этап политического противостояния двух домов – Орлеанского и Бургундского, перейдя в иную, более традиционную форму – военную.

Список литературы

1. Les chroniques de sire Jean Froissart, qui traitent des merueilleuses emprises, nobles aventures et faits d'armes advenus en son temps : in 3 vols / par J. A. C. Buchon. Paris : A. Desrez, 1835. Vol. III. 695 p.
2. Chronique du religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422 : in 6 vols / publ. en latin et traduite par M. L. Bellaguet. Paris : De l'imprimerie de chapelet, 1840. Vol. II. 791 p.
3. Gorzolla P. Magie, Politik und Religion. Theologische Magiekritik als politisches Handeln im Frankreich Karls VI. Münster : LIT Verlag, 2019. 499 S.
4. Veronese J. Jean sans Peur et la «foie secte» des devins: enjeux et circonstances de la rédaction du traité Contre les devineurs (1411) de Laurent Pignon // Médiévales. 2001. № 40. P. 113–132.
5. Registre criminal du Châtelet de Paris, du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392. Paris : Lahure, 1861. T. I. 567 p.
6. Collas É. Valentine de Milan, duchesse d'Orléans. Paris : Librairie Plon, 1911. 441 p.
7. Veenestra J. R. Magic and Divination at the Courts of Burgundy and France. Text and Context of Laurens Pignon's Contre les devineurs (1411). Leiden, New York, Koln : Brill, 1998. 433 p.
8. Journal de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris. 1400–1417 : in 2 vols / publ. par A. Tuetey. Paris : Librairie Renouard, 1885. Vol. I. 350 p.
9. Boudet J.-P. Les condamnations de la magie à Paris en 1398 // Revue Mabillon. 2001. T. 12. P. 121–157.
10. Histoire de Charles VI, roy de France par Jean Juvenal des Ursins // Choix de chroniques et mémoires relatifs a l'histoire de France : in 4 vols / par J.-A.-C. Buchon. Orléans : H. Herluison, 1875. Vol. II. 704 p.
11. Mirot L. Un essai de guérison de Charles VI en 1403 // Revue des questions historiques. 1912. № 47. P. 96–100.
12. Chronique du religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422 : in 6 vols / publ. en latin et traduite par M. L. Bellaguet. Paris : De l'imprimerie de chapelet, 1841. Vol. III. 775 p.
13. Тогоева О. И. «Черная легенда» о Валентине Висконти в политической культуре Франции на рубеже XIV–XV вв. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 11–31.
14. Monstrelet E. de. Chronique en deux livres. 1400–1444 : in 6 vols / par L. Douët-d'Arcq. Paris : Jules Renouard, 1857. T. I. 416 p.
15. Vaissette D. Histoire générale de Languedoc. Paris : Chez Jacques Vincent, 1742. 570 p.
16. Chronique du religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422 : in 6 vols / publ. en latin et traduite par M. L. Bellaguet. Paris : De l'imprimerie de chapelet, 1842. T. IV. 781 p.

17. Lettres de Charles Duc d'Orléans & de ses freres au sujet de la mort de leur pere, contre le Duc de Bourgogne, au Roy Charles VI : in 3 vols // Histoire générale et particulière de Bourgogne / par Dom Plancher. Dijon : Chez Antoine de Fay, 1748. Vol. III. P. CCLXXVIII–CCLXXXV.
18. *Mirot L.* Raoul d'Anquetonville et le prix de l'assassinat du duc d'Orléans // Bibliothèque de l'école des chartes. 1911. T. LXII. P. 445–458.
19. *Vallet de Viriville A.* Assassinat du duc d'Orléans par Jean sans Peur, duc de Bourgogne // Le magasin de libraire. 1859. T. 7. P. 241–282.
20. Chronique de la Pucelle ou Chronique de Cousinot, suivie de la Chronique normande de P. Cochon / par M. Vallet de Viriville. Genève : Slatkine – Megariotis Reprints, 1976. 540 p.
21. *Monstrelet E.* de. Chronique en deux livres. 1400–1444 : in VI vols / par L. Douët-d'Arcq. Paris : Jules Renouard, 1858. Vol. II. 478 p.
22. *Durrieu P.* Jean sans Peur, duc de Bourgogne, lieutenant et procureur general du Diable ès parties d'Occident // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. 1887. T. XXIV, Pt. 2. P. 193–224.

Поступила в редакцию 10.05.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025;
принята к публикации 10.11.2025; опубликована 02.03.2026

The article was submitted 10.05.2025; approved after reviewing 12.05.2025;
accepted for publication 10.11.2025; published 02.03.2026